

Алеша Попович и Змей Тугарин

Алеша Попович, Еким Иванович,
Ездят по полю два удалые молодца,
Они подъезжали ко крестику
И богу помолилися,
А ... головы приломилися.
— Ну поедем, Яким, во Кестрень-город.
Алешенька попович...:
Во Кестрени-городе делать нечего,
Там есть девки и бабы,
Приманчивые по-пустому,
А мы завалеемся,
И пойдет слава про нас нехорошая.
— Ну поедем во Пучин-город,
Там во Пучень-городе есть сильные и богатые,
А нам с ним ездить не наездиться.
— Алешенька Попович,
Поедем лучше на Киев-град,
Киев-град Змей Тугарин завладел,
Солнышко Владимира на придворнички взял.
— Ты пошто, Яким, давно мне не сказывашь?
Они поехали во стремя стремя,
Буржемецкими копье об копье,
А богатырскими плечо об плечо.
Они попляску давали молодецкую,
А они ускоки-то давали богатырские,
А они поездку держали-то во Киев-град.
Добрых коней они не привязывали,
Да и не приказывали,
А у ворот они не спрашивалися.
Отворяли они пято [так!] на пято,
Закрывали они крепко-накрепко,
Уходили они во покой княженетский.
Они крест-то клали по-писаному,
А поклоны-то давали по-ученому,
Они кланялися на все на три стороны,

А душечке Апраксеной на особицу.
— Ах вы, ребята удалые,
Алешенька Попович сын и Яким Иванович,
Вот вам первое место переднее,
А второе место — подле меня,
А третье место, — где вы сами хотите.
Яким садился...
— А ты под самые двери...
И несут они на обед Змея Тугарина,
Двенадцать сильных богатырей,
И посадили его за стол дубовый
И на золотой стул.
И садили ему на колене душечку Апраксену.
Он ее белую грудь утрепливат,
А сахарны уста...
И поднесли ему чару-меру на запивочку
И белу лебедь на закусочку.
— Яким, у моего батюшки
Была корова обжориста,
Она по улице валялася
Да лывой захлебнулася,
От того и смерть случилася.
И Тугарину не миновать!
Солнышко Владимир сказал:
— Не шути, Алешечка, шутками несносными,
А ты шути легкими.
Поднесли ему испекеного быка —
Он вилокй хватил
Да костья назад выхаркнул.
Яким [!] говорит:
— У моего деда [!] ростовского
Була ... обжористая,
Она по-под лавочкой каталася и валялася,
Оттуль она косткой подавилася,
Смерть приключилася.
И етому собаке будет такая ему смерть!
Змей Тугарин стрелил вилокй
Алешеньку (в) белую грудь.
Яким не допустил до груди Алешиной

Да и подхватил:

— Алешенька Попович,

Куда же я этот подарок:

Себе ли возьму или назад отошлю?

— Не скверни столы князенетские,

Я сам с ним, со собакой, спереведуся:

Божья помочь во чистом поле!

Выезжал Алешенька Попович во чисто поле.

Как малая он пташечка,

По полю он перелетывает.

Надлетел над него Змей Тугарин

На бумажных крылышках:

— А где святы отцы писали да прописались,

А волшебницы, они ворковали-проворковались:

«Егце будет тебе от Алеши смерть!»

Нонче-то, Алешенька, ты во моих руках!

Захочу я — тебя дымом задушу,

А захочу — тебя пламенем обожгу!

Тут взмолился Алешенька Попович:

— Ей, туча грозная, возьми и подмочи

У Тугарина-то крылья бумажные!

И лилася туча грозная на Змея Тугарина

И подмочила бумажные крылушки,

И падал на мать сыру землю.

И подсек вострой саблей Тугарину Змея голову,

И понес он на востре конце копье.

— По полетке и по поездочке

Знатно ясного сокола, —

Душечка Апраксена говорит Якиму, —

Несет Тугарин Алешину голову,

Не ошибается душечка Апраксена!

А по полеточке знатно Алешеньку Поповича,

А несет Змея Тугарина на востром копье голову!

И бросил Алешенька [Попович]

Княгине на белую грудь голову Тугарина:

— Где ты со змеем волочилась и валялася,

А нашего ты князя не ... считала,

Не княгиня ты бы була,

Назвал я бы тебя сукой сволочашницей!

— Проходите в покои княженетские!

Говорил князь Владимир солнушко.

— По приезде ты не...

А на отъезде тут нечего!

Сами спорхнули, поднялись.

(Текст записан для В. Г. Богораза неизвестным лицом в 1901 г. в с. Марково на среднем Анадыре (Чукотка))

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.